

М. М. БЕЛЯКОВА

**«Повесть о Петре, царевиче ордынском»  
в историко-литературном контексте  
(к вопросу о датировке произведения)**

Вопрос о хронологических рамках появления «Повести о Петре, царевиче ордынском» и неразрывно с ним связанный анализ исторических, идеологических и собственно литературных факторов, повлиявших на создание Повести, был и остается одним из ключевых вопросов в исследовании этого необычного памятника ростовской литературы, на первый взгляд кажущегося одиноким не только в кругу литературных памятников Ростова Великого, но и на фоне всей древнерусской литературы.

Датировка Повести у разных обращавшихся к ней авторов колеблется от середины XIV до конца XV в.

Один из первых исследователей повести В. О. Ключевский полагал, что житие Петра царевича и житие епископа Игнатия (который упоминается в Повести) принадлежат к числу древнейших памятников ростовской письменности. Отвергая предположение Филарета о том, что жизнь царевича Петра описана при ростовском епископе Трифоне (1462—1467),<sup>1</sup> а епископа Игнатия — при митрополите Максиме (1283—1305), В. О. Ключевский опирался на тот факт, что «уцелело указание на то, что оба жития писаны одним автором и притом житие царевича прежде»,<sup>2</sup> а поскольку житие епископа Игнатия занесено уже в синодальный сборник 1459 г., то написаны они раньше половины XV в.<sup>3</sup> Однако, как справедливо отмечено Р. П. Дмитриевой и Г. В. Семенченко, это предположение Ключевского было основано на ошибочном истолковании смысла предложения «о сих же чудесах святителя инде скажем», добавленного в тексте Повести о Петре. На самом деле это не замечание автора, а дополнение, внесенное составителями Великих Миней Четых (рук. ГПБ, Софийское собр., № 1321, л. 539 а—в, под 28 мая).<sup>4</sup>

Анализ исторических реалий жития Петра позволил В. О. Ключевскому уточнить свой вывод о датировке произведения: «...автор жил не слишком далеко от начала XIV в. — времени тяжбы правнуков Бориса с внуками

<sup>1</sup> Филарет (Гумилевский) Обзор русской духовной литературы Харьков, 1859 ч. 1, С. 142.

<sup>2</sup> Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник М., 1871, С. 38.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Житие Игнатия Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси (XI—первая половина XIV в.). Л., 1987. Вып. 1. С. 150. Ошибка В. О. Ключевского вполне понятна и объяснима, поскольку он был уверен в том, что списки в макарьевских Минеях «не вносили в текст поправок и поэтому сохранили некоторые черты его, измененные в других списках» (Ключевский В. О. Древнерусские жития С. 41, примеч. 1)

Петра, но писал не стесняясь ростовских князей, следовательно, после того, как Москва начала сурово хозяйничать в Ростове, когда, по выражению жития Сергия Радонежского, „наста насилдование много, сиречь княжение великое досталось кн. вел. Ивану Даниловичу“ и тяжело пришлось граду Ростову и князьям его, „яко отьются отъ нихъ власть и княжение“. Можно думать, что сказание о Петре и житие Игнатия написаны не позже половины XIV в.»<sup>5</sup> А поскольку автор явно стоит на стороне рода Петра в тяжбе против ростовских князей, прося ему у Бога «соблюдения и умножения живота», то это, по мнению В. О. Ключевского, позволяет подозревать в нем «инока Петровского монастыря».<sup>6</sup>

М. О. Скрипиль, посвятивший несколько работ исследованию процесса формирования Повести, основывал свою датировку произведения также на соотношении общей тенденции Повести с историко-политической обстановкой в Ростовском княжестве, вызванной вмешательством великокняжеской власти в земельные отношения и суверенные права. Но если В. О. Ключевский, как мы видим, связал создание памятника с началом этого процесса (проникновение влияния Москвы в Ростовскую землю началось при Иване Калите<sup>7</sup>), то М. О. Скрипиль — с завершающим, как он полагал, этапом: с покупкой в 1474 г. великим князем Иваном III Борисоглебской стороны Ростова, еще называвшейся вотчиной ростовских князей. «Москва теперь становится, — пишет М. О. Скрипиль, — полновластным хозяином ростовских земель. Монастыри, и в частности Петровский, владевшие большими землями, имели все основания для тревоги».<sup>8</sup> «В этой атмосфере местной трагедии» и создается, по мысли М. О. Скрипиля, «Повесть о Петре, царевиче ордынском» — «одно из запоздалых выражений протеста против политики объединения всех северо-восточных русских княжеств вокруг Москвы».<sup>9</sup>

М. О. Скрипиль показал также несомненную связь сюжета Повести о Петре с целым рядом легенд об ордынцах — основателях монастырей (таких, как сказание о ясашике Буге, сказание об ордынском князе Чете): «...а так как более или менее заметным появлением „царевичей“ в Московском княжестве становится только к середине XV в., то возникновение сюжета об ордынце — основателе монастыря нельзя отнести ко времени раньше конца XV в.»<sup>10</sup>

Аргументация М. О. Скрипиля, в целом достаточно убедительная, все же не бесспорна и вызвала у И. У. Будовница, например, целый ряд возражений:

— Борьба за землю и доходы между церковью и княжеской властью началась задолго до Ивана III и была весьма обычным явлением в XIII—XIV вв. Кроме того, у Петровского монастыря не было оснований для беспокойства в связи с присоединением к Москве (земля была конфискована у новгородского владыки, которого обвиняли в измене, но представителей

<sup>5</sup> Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 42.

<sup>6</sup> Там же. С. 41.

<sup>7</sup> Затем Ивана Калиты был один из ростовских князей, владевших западной, Борисоглебской, половиной княжества, — Константин Васильевич. Подробнее об этом см.: Кучкин В. А. Земельные приобретения московских князей в Ростовском княжестве в XIV в. // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 186—192.

<sup>8</sup> Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // Русские повести XV—XVI веков. М.; Л., 1958. С. 434.

<sup>9</sup> Там же. С. 435.

<sup>10</sup> Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском // История русской литературы. М.; Л., 1946. Т. 2, ч. 1. С. 354.

ростовского духовенства московское правительство не рассматривало как изменников).

— Если ордынские царевичи только в середине XV в. стали заметны в Московском княжестве, то в пределах княжества Ростовского татарские вельможи оседали уже в XIII в., о чем свидетельствует текст того же жития царевича Петра («беша бо тогда в Ростове ординьский вельможи») и топонимические данные.<sup>11</sup>

Решающим же аргументом в вопросе о датировке Повести И. У. Будовниц, по-видимому, считал тот факт, что произведение, проникнутое настроениями «сервизма и угодничества перед „благодетелями“-ханами, пожаловавшими своих богомольцев милостивыми ярлыками», не могло быть написано после распада Золотой Орды и превращения Руси в могучее государство, «представители которого не нуждались в чести татарской». Исходя из этого, И. У. Будовниц отнес создание Повести к началу XIV в.,<sup>12</sup> подтвердив таким образом датировку В. О. Ключевского.

Суммируя эти точки зрения, можно заключить, что исследователи определяли время создания Повести, исходя так или иначе из исторической и политической обстановки в Ростовском княжестве, вызванной вмешательством великокняжеской власти. В связи с этим следует, очевидно, более подробно рассмотреть дату, указанную М. О. Скрипилем, — 1474 г. — дату, как традиционно считалось, окончательной потери самостоятельности Ростовским княжеством.<sup>13</sup>

Дело в том, что последние исследования рисуют куда более сложную, чем это представлялось ранее, картину утраты самостоятельности княжеством, растягивая процесс более чем на полтора столетия и лишая 1474 г. значения решающего. Этот процесс присоединения Ростовского княжества к Москве включал в себя два хотя и взаимосвязанных, но хронологически разнесенных явления — присоединение земельных владений и потерю судебного иммунитета. В рамках такой концепции Р. В. Кобрин в своей монографии «Власть и собственность в средневековой России» трактует летописное известие 1474 г. о покупке Иваном III «половины Ростова»<sup>14</sup> как оформление продажи оставшейся к этому моменту у ростовских князей части судебной власти. Таким образом, по мысли Р. В. Кобрина, вхождение Ростова в состав Московского княжества не может рассматриваться как результат единовременного акта, а, напротив, было процессом длительным и многоэтапным. В частности, автор обращается к источникам, свидетельствующим о начале проникновения Москвы в Ростовскую землю при Иване Калите, Дмитрие Донском и особенно при Василии II (Темном). Акты еще 50-х гг. XV в. создают впечатление, что Ростов уже полностью присоединен. В 1461 г. Василий II завещал Ростов своей жене Марии Ярославне «со всем, что к нему потягло». «Ростовские князья — уже не полные собственники: они только „ведают“ и „держат“ свои владения,

<sup>11</sup> Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси XI–XIV вв. М., 1960, С. 344

<sup>12</sup> Там же

<sup>13</sup> М. О. Скрипиль основывался, по-видимому, на летописном известии и на труде А. В. Экземплярского «Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г.» (СПб., 1891 Т. 2), интерпретировавшего это летописное известие о продаже половины Ростова совершенно однозначно «более чем двухвековая самостоятельность Ростовского удельного княжества кончилась в 1474 г.», «в 1474 г. Ростов и уже навсегда входит в состав великого княжества Московского» (С. 62). Эта точка зрения до недавнего времени была общепринятой. См. Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV–XV вв. М., 1960 С. 830, Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984 С. 266–271

<sup>14</sup> ПСРЛ СПб., 1859 Т. 8 С. 180, Пг., 1921 Т. 24 С. 194

причем не сами по себе, а лишь „при ... великом князи“ и „при ... княгине“. Их держание тем самым соединяется с правами верховной собственности великого князя».<sup>15</sup>

Р. В. Кобрин обратил внимание и еще на одно отмеченное в исследовании В. Л. Янина обстоятельство: к моменту заключения в 1456 г. Яжелбицкого договора между Москвой и Новгородом суверенитет Москвы уже распространился на некоторые ростовские волости, относившиеся к той Борисоглебской половине княжества, которая была якобы продана Москве лишь в 1474 г.<sup>16</sup>

Но что же тогда может означать летописное сообщение о продаже половины Ростова? Что продали ростовские князья Владимир Андреевич и Иван Иванович в 1474 г.? Поскольку в русском средневековом праве дробные части владений (половины, трети, четверти и т. п.) далеко не всегда соответствовали реальным географическим единицам и часто речь шла о том, что владелец доли получал только соответствующую часть доходов, то, «возможно, — заключает Р. В. Кобрин, — и проданную в 1474 г. „половину“ Ростова надо рассматривать не географически (не как часть территории), а юридически (как оставшуюся к 1474 г. часть судебной власти)».<sup>17</sup>

Таким образом, именно это событие едва ли могло послужить непосредственным толчком к созданию «Повести о Петре, царевиче ордынском», как полагал М. О. Скрипиль. Тем более, что, купив Борисоглебскую сторону, великий князь передал владение своей матери Марии Ярославне («князь же великий, купив у них, дасть матери своей ту половину, великой княгине Марьи»),<sup>18</sup> которой Ростов «со всем, что к нему потягло», уже был завещан в 1461 г. До 1485 г. Ростов оставался удельным княжеством, так как Мария Ярославна даже после пострижения в монахини в 1478 г. продолжала управлять Ростовом, выдавала грамоты, судила поземельные тяжбы,<sup>19</sup> поэтому окончательно в состав великокняжеских земель Ростов вошел только после 1485 г., после смерти великой княгини.

Следует отметить также, что особые отношения с Ростовом Марии Ярославны начали складываться даже раньше 1461 г. Известно, что в 1458 г. ростовский владыка Феодосий допустил незначительное нарушение правил поста, «митрополит же Иона восхоте сан сняти с него», и лишь великая княгиня «отпечаловала» его у митрополита. «От печалования» Мария Ярославна получила входившее в состав архиепископских владений богатое село Петровское,<sup>20</sup> очевидно то самое, которое, по свидетельству ростовского краеведа А. А. Титова, издавна принадлежало Петровскому монастырю.<sup>21</sup> К этому необходимо добавить, что Василий II выдал две

<sup>15</sup> Кобрин Р. В. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 62—63.

<sup>16</sup> Там же. С. 63. См. также: Янин В. Л. Борьба Новгорода и Москвы за Двинские земли в 50—70-х годах XV в. // ИЗ. 1982. Т. 108. С. 190—197.

<sup>17</sup> Кобрин Р. В. Власть и собственность... С. 63.

<sup>18</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 194.

<sup>19</sup> Зимин А. А. Удельные князья и дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия: С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 173—174.

<sup>20</sup> ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 181; Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе XIV—XV веков. М., 1986. С. 158.

<sup>21</sup> Древний город Петровск находится в 23 верстах от Ростова, он преобразован из села Петровского при учреждении Ярославского наместничества в 1777 г. (Топографическое описание Ярославского наместничества. Ярославль, 1784. С. 45.). Летопись упоминает о Петровском под 1207 г. (ПСРЛ. СПб., 1856. Т. 7. С. 115). Свое наименование село и получило, как писал М. О. Скрипиль, от Петровского на Поле монастыря, которому принадлежало, и это еще раз доказывает, по его мнению, что монастырь уже существовал в начале XIII в., до приезда Петра, царевича ордынского, в Ростовское княжество (Скрипиль М. О. Повесть о Петре, царевиче ордынском. Рукопись).

жалованные грамоты на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове Троице-Сергиевому монастырю. Одна из грамот датируется временем игумена Зиновия (1432—1445 гг.), вторая не содержит имени игумена, но, как полагал С. Б. Веселовский, может быть датирована временем около 1446—1448 гг.<sup>22</sup>

Как мы видим, причины для тревоги за свои земельные владения могли возникнуть у Петровского монастыря гораздо раньше 1474 г. Поэтому привлечение данных только общего исторического контекста в принципе не может в данном случае служить достаточным основанием для вывода о времени появления «Повести о Петре, царевиче ордынском». Тем не менее приведенные здесь данные содержат, на наш взгляд, весьма важный материал для расстановки некоторых акцентов: если в XIV в. вмешательство великокняжеской власти затрагивало интересы и ограничивало права в основном ростовских князей, то в середине XV в. — еще и Петровского монастыря. Понять, почему это так важно, можно, если обратиться к тексту Повести, проанализировав еще раз ее общую направленность и отношение автора к описываемым персонажам (в том числе исторически реальным).

Прежде всего, и это подчеркивал еще В. О. Ключевский, данное произведение «отличается тенденциозным характером: оно написано с целью доказать неоспоримость прав потомства Петрова и монастыря, основанного царевичем, на земли и воды, купленные последним у ростовского князя Бориса».<sup>23</sup> Следует сразу уточнить, что большая часть списков Основной редакции<sup>24</sup> (в том числе и оба списка конца XV в.)<sup>25</sup> не называют по имени ни князя,<sup>26</sup> ни его потомков: там фигурируют «ростовский князь» или «старый князь», «дети и внуки старого князя». В этом нарочито обезличивании М. О. Скрипиль видел своеобразное выражение позиции автора, подтверждая наблюдение В. О. Ключевского о невыгодном освещении в Повести ростовских князей. Здесь необходимо, на наш взгляд, отметить несколько моментов.

Образ самого «старого князя» в обрисовке Повести далеко неоднозначен: довольно сомнительные детали и штрихи его портрета более отчетливо проявляются при сопоставлении текста Основной редакции с Минейной и Житийной. После молебна на берегу озера князь

<sup>22</sup> См.: Кобрин Р. В. Власть и собственность... С. 61—62; АСЭИ М., 1952. Т. 1. № 98: (1432—1445 гг.) Жалованная льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену Зиновию на рыбные ловли в Ростовском озере и на двор в Ростове («...велел есми им ловити неводом в Ростовском озере всякою ловлею, да и в реках ловити да и с лучи ездити...» (С. 79); № 107: (1432—1462 гг.) Жалованная льготная и несудимая грамота вел. кн. Василия Васильевича Троице-Сергиева монастыря игумену на право рыбной ловли в Ростовском озере и на покупку двора в г. Ростове, с указанием порядка смесных судов с ростовскими князьями (С. 85).

<sup>23</sup> Ключевский В. О. Древнерусские жития... С. 41.

<sup>24</sup> В результате проведенного нами текстологического анализа 108 списков Повести было выделено 5 редакций текста, которым были даны условные названия: 1) «основная», 2) «минейная», 3) «особая», 4) «проложная», 5) «житийная». Упоминаемые в статье Минейная и Житийная редакции вторичны по отношению к Основной (текст Повести в Минейной редакции включен в состав Великих Миней Четых; текст Житийной редакции мы находим в «Житиях святых» Димитрия Ростовского). Об особенностях сюжета этих редакций см. Белякова М. М. Об эволюции сюжета «Повести о Петре, царевиче ордынском». XV—XIX вв. // Вопросы сюжета и композиции в русской литературе: Межвуз. сб. Горький, 1988. С. 5—12.

<sup>25</sup> Древнейшие из обнаруженных списков памятника датируются концом XV в. — ГПБ, Софийское собр., № 1389; ГБЛ, собр. Никифорова, № 421.

<sup>26</sup> Имя князя — Борис Васильевич — устанавливается путем соотнесения с пребыванием в епископах названного в Повести Кирилла. Некоторые списки Основной редакции называют имя Бориса Васильевича (см., например: ГПБ, собр. Погодина, № 650; ГПБ, Ф. I. № 286 и т. д.)

*Осн. ред.*

«глумяся рече Петру: Владыка тебе церковь устроит, а яз места не дам!» (С. 28).<sup>27</sup>

*Жит. ред.*

«яко глумяся или искушая, глагола Петру: владыка сосиждет церковь тебе, аз же не дам тебе места окрест церкви...».<sup>28</sup>

И это он произносит после того, как владыка поведал ему о явившихся во сне апостолах, а сам он видел в церкви чудесные иконы, выменянные Петром, от света которых «вси предстоящи ужасошася». Вполне расчетливо князь назначает за землю непомерную цену, решив использовать ужас владыки от видения апостолов, чтобы «отлучить» побольше денег:

*Осн. ред.*

«Князь же, яко виде мешца Петровы въ епископии, помолча, помысли: „У тебе колико отлучит от ужаста владыки от святых апостол“» (С. 28).<sup>29</sup>

*Мин. ред.*

«Князь же, яко виде мешца съ златом и серебром Петрова в епискупьи, помолча и помысли в себе, веры иж(е) к Богу отрока и о силы Божиие и святых апостол, и помысли у него земли и сел колико отлучит, и от ужаста въздохнув, яко Бога ради ли бысть владыко и святых апостол вся...».<sup>30</sup>

И «отлучает» множество серебра и злата! Правда, спустя несколько лет князь выдает Петру грамоты «на множество земель от озера, воды и леса» и братается с ним в церкви.

Дети «старого князя» «зваху Петра дядею и до старости, и мирна лета многа живыше, преставишася».<sup>31</sup> Внуки же ростовского князя отрекаются от родства (они говорят о внуке Петра: «род татарьскы, кость не наша, что се есть нам за племя». С. 32), завидуют детям Петра, которые «в Орде выше их честь приимаху», пытаются отобрать у потомков Петра земли и запретить их рыбакам ловить рыбу в Ростовском озере. Они столь же расчетливы («сребра нам не остави не сей, ни родители наши». С. 32), сколько и трусливы: пугаются ордынского посла, приехавшего разбирать тяжбу («и бысть боязнь князем царева посла». С. 32, 34), а от Ахмыла, подошедшего к Ростову «съ всей силою своею», бегут, оставив город.

Таким образом, поскольку повествование охватывает несколько поколений персонажей, можно проследить и динамику в их изображении: сомневающийся, но все же уверовавший в чудо (и в особую благодать, обретенную Петром) «старый князь», и забывшие об этом, а потому уже совершенно непривлекательные в изображении автора, внуки ростовского князя.

Некоторый сдвиг в отрицательную сторону можно отметить и в образах ростовских епископов: святой Леонтий, от раки мощей которого «съдеваются чудеса», — святой епископ Кирилл, ходивший в Орду и исцеливший ханского сына, — «святый владыка Игнатиий», который тоже стал ходить в Орду, «емяля оброки царьския», — владыка Прохор, бежавший от Ахмыла вместе с ростовскими князьями, которого только под угрозой оружия возвращает правнук Петра Игнат («Игнат же извлекъ мечь

<sup>27</sup> Здесь и далее текст Основной редакции цитируется с указанием страниц в тексте по последнему изданию: ПЛДР: Конец XV—первая половина XVI века. М., 1984. Иногда с целью уточнения текста мы обращаемся к списку ГПБ, Софийское собр., № 1389.

<sup>28</sup> ГПБ, собр. Титова, № 1978, л. 260.

<sup>29</sup> Примечательно, что двусмысленность этого выражения князя ощущали, по-видимому, переписчики уже в XVI в.: список ГПНТБ СО, собр. Тихомирова, № 295, а также списки XVII в. — ГИМ, собр. Уварова, № 386 и ГПБ, Соловецкое собр., № 806/916 дают чтение: «...от части владыки от святых апостол».

<sup>30</sup> ГПБ, Софийское собр., № 1322, л. 232.

<sup>31</sup> ГПБ, Софийское собр., № 1389, л. 499.

и согони владыку и рече ему: Аще не идиши со мною противу Ахмыла, то самъ посеку тя». С. 34).<sup>32</sup> И любопытная деталь: ростовский владыка, послушавшись Игната, возвращается и исцеляет сына Ахмыла. Но епископ Прохор не называется святым.

Для мировоззрения автора Повести характерно такое противопоставление: с одной стороны, «ухудшение» от поколения к поколению представителей княжеской власти и епископов ростовских, а с другой — тождественность в «святости» Петра и его наследников. Он подчеркивает верность внука Петра заветам своих родителей («Внукъ же Петровъ, именемъ Юрии, яко же навиче у родитель своих честь творити святей госпожи Богородици въ Ростове, и гривны на ню възлагати, и пированиа владыкамъ и клиросу, и сбору церковному, и праздникомъ святых апостолъ Петра и Павла, и памяти творити родитель и прародитель, вечная их памяти по вся лета»).<sup>33</sup> И сын, и внук Петра обращаются за помощью в разбирательстве тяжбы к своим ордынским родственникам, те их неизменно встречают с почетом и одаривают многими подарками. Эти походы в Орду нисколько не возмущают автора Повести, но, напротив, он каждый раз подчеркнuto точно отмечает степень родства: «сказася брата царева внукъ», «сказася правнукъ брата царева», «сказася ему древняго брата царево племя». Более того, при прощании с Игнатом Ахмыл произносит фразу, подтверждающую возможность таких походов и в будущем: «Царева кость, наше племя; еже ти здесь будетъ обида, да не ленися ити до нас» (С. 36). Таким образом, покровительство Орды, родственные связи с ордынцами автор рассматривает как нечто безусловно положительное, возвышающее род Петра (а соответственно и Петровский монастырь) над ростовскими князьями и, в какой-то степени, над ростовскими епископами.

Обращение автора к изображению родственных связей с Ордой далеко не случайно в этом произведении: оно отражает определенные исторические реалии ростовской действительности. Летописи содержат многочисленные упоминания о поездках в Орду ростовских князей и епископов: Борис Василькович (по Повести «старый князь») был в Орде пять раз — в 1244 г.,<sup>34</sup> в 1245 г.,<sup>35</sup> в 1250 г.,<sup>36</sup> в 1256 г.,<sup>37</sup> и в 1257 г.;<sup>38</sup> Глеб Василькович (удельный князь Белозерский, недолгое время княживший в Ростове после смерти своего брата Бориса) был там четыре раза — в 1244 г.,<sup>39</sup> в 1249 г.,<sup>40</sup> в 1268 г.<sup>41</sup> и в 1271 г.<sup>42</sup> Борис Василькович и Константин Борисович (сын «старого князя») в Орде и умерли.<sup>43</sup> Глеб Василькович Белозерский был женат на родственнице хана, названной в крещении Феодорой,<sup>44</sup> Константин

<sup>32</sup> Житийная редакция полностью устраняет эпизод нашествия Ахмыла.

<sup>33</sup> ГПБ, Софийское собр., № 1389, л. 499 об.

<sup>34</sup> ПСРЛ. СПб., 1846. Т. 1. С. 226.

<sup>35</sup> Там же. С. 201; ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 129.

<sup>36</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 203; Т. 10. С. 137.

<sup>37</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 203; Т. 10. С. 140—141.

<sup>38</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 203, 226; Т. 10. С. 141.

<sup>39</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 226.

<sup>40</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 202; Т. 10. С. 137; Т. 7. С. 159.

<sup>41</sup> ПСРЛ. Т. 10. С. 147.

<sup>42</sup> Там же. С. 150.

<sup>43</sup> Смерть в Орде Бориса Васильковича отмечается под 1277 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 227; Т. 10. С. 141), Константина Борисовича — под 1307 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 229). С Константином Борисовичем связан также любопытный, на наш взгляд, эпизод, о котором сообщает Лаврентьевская летопись: в 1294 г. Константин Борисович, неизвестно по какой причине, рассорился с владыкой Тарасием, который вследствие этой ссоры выехал из Ростова в Устюг. Константин Борисович пустился за ним в погоню «и ять владыку, и люди около его пойма» (ПСРЛ. Т. 1. С. 228).

<sup>44</sup> ПСРЛ. Т. 1. С. 203, 226—227.

Борисович во второй раз женился также в Орде у какого-то, как сказано в Лаврентьевской летописи, «Кутлукорткы».<sup>45</sup>

Но эти реалии ростовской жизни были подвергнуты в Повести существенной модификации, реальность литературного текста оказалась вывернутой наизнанку по отношению к действительности: все, что было характерно для ростовских князей, автор перенес на Петра и его потомство, князья же изображаются очень далекими и чуждыми каких-либо родственных отношений с татарской знатью. Несомненно существенной деталью является и то обстоятельство, что для автора Повести связь с татарами есть элемент положительной характеристики персонажа, а такие связи были характерны именно для ростовской действительности.

В качестве судей между потомками Петра (монастырем)<sup>46</sup> и ростовскими князьями выступают в Повести ордынские послы. Эта деталь кажется очень странной по отношению к монастырю, находившемуся в подчинении у ростовского епископа, который, собственно, мог если и не выступать в качестве арбитра, то принимать какое-то участие в решении спорных для монастыря вопросов. По повести же ростовские епископы никакого участия в тяжбах монастыря не принимают. Возможно, эту линию развития сюжета следует рассматривать как попытку автора мотивировать не только особые права («святость» и неприкосновенность) на отбираемые земли, но и независимость от ростовского владыки. Подобные идеи могли возникнуть под влиянием примера другого монастыря, также формально подчиненного ростовскому владыке, но упорно, а главное безуспешно, отстаивавшего свою независимость.

Речь идет о Кирилло-Белозерском монастыре, владевшем обширнейшими землями, который с самого начала своего существования играл роль важнейшего культурного центра, отдаленного и независимого, постоянно занимавшего самостоятельную позицию в борьбе между основными политическими силами XV в.

Официальным патроном монастыря считался архиепископ Ростова Великого, находившийся за сотни верст от Кириллова монастыря. Но по завещанию основателя монастыря Кирилла он передавался под покровительство князя Андрея Дмитриевича Белозерского и Можайского, а не в распоряжение епархиального владыки, ростовского архиепископа (как это было обычно). Двойное подчинение — ростовскому владыке и местному белозерскому князю — обеспечивало независимость Кирилло-Белозерского монастыря, но вместе с тем приводило, как отмечает Я. С. Лурье, «к постоянным столкновениям между белозерскими князьями и ростовскими архиепископами из-за монастыря».<sup>47</sup> Эти споры между князьями и владыками, естественно, находили отклик в самом монастыре. «Сторонники Михаила Андреевича Белозерского ссорились с приверженцами архиепископа. Сменявшие друг друга игумены были ставленниками то той, то иной группы, и назначение очередного игумена вызывало иногда уход недовольных „старцев“ из монастыря».<sup>48</sup>

В конце 1467 г. ростовским архиепископом стал великокняжеский духовник Вассиан Рыло, почти сразу же начавший борьбу с белозерским князем за власть над Кирилловым монастырем. Сторонником белозерского князя в этой борьбе оказался глава церкви — митрополит Геронтий, покровителем Вассиана — великий князь Иван III. Открытое столкновение

<sup>45</sup> Там же. С. 228.

<sup>46</sup> Для автора Повести права и привилегии потомков Петра и основанного им монастыря в принципе тождественны (правнуки «старого князя» говорят внуку Петра Юрию: «...деда ваш грамоты взя у прародитель наших на место монастыря вашего...». С. 32).

<sup>47</sup> Лурье Я. С. Русские современники Возрождения. Л., 1988. С. 67.

<sup>48</sup> Там же.

между великим князем и митрополитом, происшедшее в 1478—1479 гг., было вызвано позицией, которую занял Геронтий в споре о подсудности Кирилло-Белозерского монастыря. Источники по-разному изображают развитие этого конфликта. Летопись, сочувствующая ростовскому владыке, приписала инициативу в «брани» 1478 г. игумену Кирилло-Белозерского монастыря Нифонту (противнику архиепископа и приверженцу белозерского князя) и связанным с ним «высокоумным чернецом». По свидетельству этой летописи, «чернеци», возглавляемые Нифонтом, «научиша князя Михаила, князь же Михайло начать митрополиту говорить о том», митрополит же «повинуся князю Михайлу и грамоту дать ему, что княз(ю) ведат(и) монастырь, а Ростовскому архиепископу в него не вступатися», но в дело вмешался великий князь и указал «ведати» Кириллов монастырь ростовскому архиепископу.<sup>49</sup>

Однако, как замечает Я. С. Лурье, о событиях 1478 г. сообщает и другой источник с диаметрально противоположной тенденцией — правая грамота митрополита Геронтия, предоставляющая «князю Михайлу Андреевичу Кириллова монастыря игумена судити по старине», согласно которой инициатором спора был архиепископ Вассиан, «вступившийся» в «княж Михайлов в Кирилов монастырь».<sup>50</sup>

В ходе разбирательства этого конфликта представитель удельного князя Михаила Андреевича Верейско-Белозерского заявил: «...истарины прежние архиепископы ростовские во государя моего в Кирилов монастырь не вступалися, приставов своих не слали, а игумена и братья не судили, и десятильников своих к ним не въсылали, и пошлин не имали — при Кириле и после Кирила — при государя моего княже Михайлове отце, при князе Андрее Дмитриевиче, и до сих мест, а судил... того Кирилова монастыря игумена государя моего княж Михайлов отец — князь Андрей Дмитриевич, а братью свою — старцев Кирилова монастыря — судил игумен; а после отца своего того Кирилова монастыря игумена судил государь мой князь Михайло Андреевич и до сих мест, опрочь духовных дел; а в духовных... делах игумена ведает архиепископ, занеж... тот Кирилов монастырь у государя моего, как у государя великого князя его монастыри — Спас на Москве, да Пречистая на Симонове, да Никола на Угреше».<sup>51</sup>

Исход спора источники описывают одинаково: сначала митрополит выдал «грамоту» Михайлу, но затем вмешался Иван III и решил спор в пользу Вассиана.<sup>52</sup>

Основываясь на материалах, относящихся к этому конфликту, Л. В. Черепнин отметил, что «в конце 70-х годов XV в. архиепископом ростовским Вассианом была сделана попытка изъять из административно-судебного подчинения местному удельному князю крупнейший монастырь Белозерского княжества».<sup>53</sup> По наблюдению С. М. Каштанова, «архиепископские грамоты показывают, что если еще в 50-х годах XV в. игумены и попы сельских церквей Кириллова монастыря были де-юре подсудны владыке, очевидно, по всем вопросам, то уже в 60-х годах суд над ними оказался

<sup>49</sup> ПСРЛ. Т. 24. С. 197.

<sup>50</sup> Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью в конце 70-х—первой половине 80-х годов XV в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 221.

<sup>51</sup> АСЭИ. М., 1958. Т. 2. № 315. С. 280.

<sup>52</sup> Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью... С. 221. Я. С. Лурье называет и третий источник, сообщающий о борьбе Нифонта с Вассианом, — одно из посланий Иосифа Волоцкого, согласно которому первая ссора между ними произошла гораздо раньше, когда митрополитом был Филипп I (1464—1473) (Там же).

<sup>53</sup> Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы. М., 1951. Ч. 2. С. 194.

в руках кирилловского игумена, а на долю владычного суда осталось одно „духовное дело“». <sup>54</sup>

Присоединяясь к оценкам Л. В. Черепнина и С. М. Каштанова, в своей монографии Н. С. Борисов счел необходимым отметить, что действия Вассиана были «в значительной мере спровоцированы вызывающим поведением уверенных в своей правовой неприкосновенности кирилловских „старцев“, а прикрытием для наступления „старцев“ на права ростовского архиепископа служило могущественное покровительство, которое неизменно оказывал монастырю его светский сюзерен князь Михаил Андреевич». <sup>55</sup> Так, например, Михаил Андреевич взял сторону Кириллова монастыря во время земельной тяжбы с Троице-Сергиевым монастырем: он «оправил» представителя Кириллова монастыря и «обвинил» представителя Троице-Сергиева, игумена Паисия Ярославова. <sup>56</sup>

Поражение в споре с архиепископом Вассианом и великим князем в 1478 г. не смирило кирилловских «старцев». В 1482 г. Иван III нанес по монастырю сразу два удара: из Кириллова монастыря был переведен игумен Нифонт и одновременно по указанию великого князя был проведен «отвод» белозерских земель, точное межевание владений Кириллова монастыря и его соседей, грамоты монастыря были забраны в казну. <sup>57</sup> Это мероприятие, по мнению исследователей, преследовало важную цель — ограничить дальнейший рост монастырской вотчины.

Новый игумен монастыря Серапион, который, по-видимому, был политическим антиподом Нифонта, не удовлетворил сторонников прежнего игумена, связанных с митрополитом и местным удельным князем. В августе 1483 г. «старцы болюши 15 из Кирилова» покинули обитель и вернулись туда в марте 1484 г. «по грамоте князя Михаила Андреевича», лишь после того, как он «отогнал» нового игумена. <sup>58</sup> В результате во главе монастырской братии вновь стал приверженец монастырской «старины», постриженник Нифонта Гурий Тушин.

Борьба кирилловских «старцев» за сохранение традиционных порядков вызывала сочувствие многих представителей московской знати, среди которых была и княгиня Мария Ярославна, мать Ивана III (известно, что она сочувствовала удельным князьям и неодобрительно относилась к жесткому внутривластическому курсу Ивана III). <sup>59</sup>

Таким образом, если попытаться обобщить эту сложную и мозаичную (в силу недостатка, а вероятно, и недостаточной изученности исторических материалов) картину внутреннего состояния ростовской епархии в конце XV в., то здесь, при всем различии деталей и конкретных проявлений борьбы Кирилло-Белозерского монастыря, выступлений кирилловских «старцев», внутривластической обстановки в Ростовском княжестве, следует

<sup>54</sup> Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 128.

<sup>55</sup> Борисов Н. С. Русская церковь... С. 169.

<sup>56</sup> АСЭИ. М., 1952. № 467: (1472—1482 гг.) Правая грамота, с суда верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича данная Кириллова Белозерского монастыря игумену Нифонту на Вашкуец с дер. Саврасовской и Гридиной и земель и Усть-Вашкинца (?), в Белозерье, бывшем в споре с Троице-Сергиевым монастырем.

<sup>57</sup> Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.; Л., 1951. С. 104—105, примеч. 3. В последней четверти XV в. Кириллову монастырю принадлежало более 50 деревень. Ревнитель строгого монашеского подвижничества Нил Сорский покинул монастырь, так как иноки в нем жили «не по законам Божиим», а «по своим волям и умышленным человеческим» (Борисов Н. С. Русская церковь... С. 182; Лурье Я. С. К вопросу об идеологии Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 187, 189).

<sup>58</sup> Лурье Я. С. Борьба церкви с великокняжеской властью... С. 222.

<sup>59</sup> Борисов Н. С. Русская церковь... С. 179.

обратить внимание на сходство ситуации, в которой оказались Кирилло-Белозерский, ростовский Петровский и, по-видимому, другие монастыри ростовской епископии. Ситуации, когда прежние владельцы и покровители — удельные князья (ростовские, верейско-белозерские) постепенно утрачивают свои права и привилегии. Ситуации, пользуясь современными терминами, политической нестабильности, неуверенности, зыбкости, когда монастыри вынуждены либо, апеллируя к «монастырской старине», настойчиво обосновывать и подтверждать подчиненность своему прежнему покровителю — удельному князю (как Кирилло-Белозерский монастырь), либо искать другого покровителя и обращаться к авторитету основателя монастыря (как Петровский монастырь).

Представляется вероятным, что это сходство ситуации и обусловило тот факт, что «Повесть о Петре, царевиче ордынском» хотя и создается в русле ростовской литературы, но при весьма заметном влиянии идеологических и политических тенденций, характерных для кругов, близких к Кирилло-Белозерскому монастырю.

Косвенным подтверждением такой связи с Кирилло-Белозерским монастырем могут служить и некоторые данные текстологии.

Во-первых, наблюдения над конвоем «Повести о Петре, царевиче ордынском» показывают, что это произведение, как это вполне естественно можно предположить, традиционно помещается в сборниках, содержащих жития ростовского цикла,<sup>60</sup> к которым часто присоединяется еще и житие Кирилла Белозерского. В количественном отношении это составляет такую пропорцию: из 30 сборников с житиями ростовских святых 12 содержат и житие Кирилла Белозерского,<sup>61</sup> и в одном сборнике XVII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 639) помещены Повесть и житие Кирилла Белозерского, но нет житий ростовских. Житие Кирилла Белозерского сопровождает «Повесть о Петре, царевиче ордынском» и в двух сборниках конца XV в.<sup>62</sup>

Во-вторых, два рукописных сборника (ГПБ, Софийское собр., № 1389 и 1364) имеют на полях одинаковые пометы — «Книга Кирилова монастыря». Рукопись № 1364, как это явствует из вкладной записи, дана в монастырь в 1547 г., когда же там появился первый из названных сборников, неизвестно. Этот факт принадлежности может, на наш взгляд, дополнить предположение об идейном влиянии Кирилло-Белозерского монастыря свидетельством о наличии и обратной связи — заинтересованности этим произведением в Кирилло-Белозерском монастыре, а следовательно, «Повесть о Петре, царевиче ордынском» отразила какие-то общие и волнующие моменты.

Любопытный материал дает сопоставление сюжетных элементов Повести с сюжетами других житий ростовского цикла, и, в частности, с созданным, как полагает большинство исследователей, в XV в. житием Авраамия Ростовского<sup>63</sup> и чудесами, которыми было дополнено в это же время житие епископа Леонтия.

Житие Авраамия Ростовского повествует о легендарном основателе Борисоглебского монастыря (кроме жития, об Авраамии не сохранилось исторических сведений) и среди прочих сюжетных элементов содержит

<sup>60</sup> Ростовский цикл включает жития епископов ростовских — Леонтия, Игнатия, Исаяи; житие Авраамия Ростовского — основателя Богоявленского монастыря и житие Исидора Твердислова, ростовского юрдового. Такой состав мы находим в сборниках XVI в.

<sup>61</sup> В это число, естественно, не включались минеи четьи на июнь, где житие Кирилла Белозерского и Повесть о Петре сочетались бы по календарному принципу, помещаясь соответственно под 9 и 29 числами.

<sup>62</sup> ГПБ, Софийское собр., № 1389; ГБЛ, собр. Никифорова, № 421.

<sup>63</sup> Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 237—239.

такой: бес, желая отомстить святому, явился князю в образе воина и сообщил ему, что Авраамий построил монастырь на средства, добытые им из вырытого из земли клада, который является княжеской собственностью, поскольку земля принадлежит князю: «...тем бо съкровищем монастырь созда и церковь велию постави, а твоему господству не поведает». <sup>64</sup> Князь вознегодовал, но в прениях с Авраамием бес был посрамлен, а князь стал просить у старца прощения «и честь велию възда ему на създание монастырю, и домы и села многы даде к монастырю, и устрои его своим монастырем, и учини его вышша всех обителей, иже суть в Ростове, и многы рабы подаде в дом святому богоявлению, и грамоты подаде многы жалованные, иже суть и до сего дне...». <sup>65</sup> Мы видим здесь знакомые по Повести мотивы: покушение князя на монастырскую собственность, правда, в более «чудесной» и в какой-то степени более традиционной форме — оно вызвано вмешательством дьявола, и освящение земельных владений монастыря именем его основателя — Авраамия.

Не менее ярко мотив освящения монастырской собственности выражен в чуде епископа Леонтия, имеющем характерное название «О земли» и происшедшем, как указывается в тексте, при епископе Трифоне (1462—1467). Некий слуга князя, именем Захария, жил в селе своем близ сел святой Богородицы и святого Леонтия и «помышляше в себе безумный, яко да лукавствомъ приобращеть къ своему селу ону землю святыа Богородица». Захария нашел лжесвидетелей и с их помощью завладел участком, но лишь только он засеял его, как начал кричать, что та земля стоит над ним облаком и засыпает ему глаза. Ослепшего в раскаянии привели к раке чудотворца Леонтия, и, когда архиепископ отслужил молебен, Захария стал здоров. Особое внимание обращает на себя способ решения спора о земельных владениях, описанный в этом чуде: «обычай же издавна убо и у прежних епископовъ, яко егда с кемъ будетъ спорно слово о земли, то священника съ Леонтиевымъ крестомъ на разводъ да и посылають, а не яко же и прочии суды и тяжбы съставляху и кровь проливающие». <sup>66</sup>

Следует отметить, что мотив защиты земельных владений монастыря именем его святого покровителя, принимающий, как мы видим, в ростовской литературе XV в. форму литературного произведения, известен и по другим, более древним памятникам письменности и в своем бытовании не ограничивался только литературной формой. Употребление соответствующих формул-обращений к святым патронам вступить за монастырские владения в случае покушения на них со стороны князей, епископов или иных лиц зафиксировано, например, в новгородских актах, закрепляющих феодальные права монастырей. Такие «заклятья» содержат, в частности, две знаменитые грамоты XII в. великих князей Мстислава Владимировича с сыном Всеволодом Юрьеву монастырю на волость Буицы и Изяслава Мстиславовича Пантелеймонову монастырю на село Витославицы с другими землями. В первой из них говорится: «Да же который князь по моему княжению почнеть отъяти у святого Георгия, а Бог буди за темъ и святая Богородица, и ть святыи Георгии у него то отимаеть». В грамоте Изяслава подобный сюжет разработан еще более подробно: «А кто почнеть вступатися въ тое землю, и в воду, и в пожни или князь, или епискуп,

<sup>64</sup> Повесть о подворении христианства в Ростове // Древнерусские предания (XI—XVI вв.) М., 1982 С 133 См также Литература Ростова XIII—XVI вв // История русской литературы М., Л., 1946 Т. 2, ч. 1 С 66

<sup>65</sup> Повесть о подворении христианства в Ростове С 134

<sup>66</sup> ГИБ, Софийское собр., № 1389, л. 421—422 об

или кто иметь силу деяти, и он в второе пришествие станеть тяжатися с святым Пантелеимоном».<sup>67</sup>

Итак, мы видим, что «Повесть о Петре, царевиче ордынском» совсем не так одинока в кругу памятников древнерусской письменности, а защита монастырских владений и привилегий в литературной форме была явлением достаточно известным, по крайней мере в ростовской литературе. И все же это произведение чрезвычайно своеобразно: вошедшее в древнерусские сборники под названием «Жития Петра царевича», оно оказалось настолько развитым в сюжетном отношении и эта «сюжетность» так превалировала над канонической схемой, что, по мнению современных исследователей, оно вполне может быть названо беллетристическим.<sup>68</sup> Если же отвлечься от конкретного изображения событий, то по структуре своей оно более всего напоминает сюжетно развернутую генеалогическую легенду (отец—сын—внук—правнук). С этой точки зрения не может не вызвать возражения трактовка произведения И. У. Будовничем как памятника, пронизанного раболепством и пресмыкательством перед татарскими завоевателями,<sup>69</sup> которое просто не могло быть создано после распада Золотой Орды. Показ тесных связей Петра и его потомков с ордынскими ханами с точки зрения генеалогической апологии этого рода преследует совсем иные цели, ибо тот же автор отмечал, что «русская (да и не только русская) знать считала особой честью вести свое происхождение от иноземных родов».<sup>70</sup>

Принимая во внимание известную открытость вопроса о датировке «Повести о Петре, царевиче ордынском» и возможность появления новых аргументов, более вероятным, на наш взгляд, представляется создание этого произведения в конце XV столетия. В пользу такой точки зрения говорит то, что именно в этот период складывается ростовский житийный цикл: создается житие Авраамия Ростовского, Исидора Твердислова, епископа Исайи, дополняется новыми чудесами, созвучными Повести о Петре, житие епископа Леонтия. К 80-м гг. XV в., как показывает исследование Н. Н. Розова, относятся известные датированные книги, написанные в Ростове: он называет 4 рукописи, и созданы они в промежутке между 1484 и 1487 гг.<sup>71</sup> Два древнейших из обнаруженных списков Повести также датируются концом XV в. Иными словами, последние два десятилетия XV в. были, вероятно, периодом расцвета книгописания в Ростовской земле.

Анализ исторического контекста появления «Повести о Петре, царевиче ордынском» вынуждает нас отказаться от идеи связи между написанием произведения и конкретным историческим событием, как это сделано в работах М. О. Скрипиля относительно покупки в 1474 г. великим князем Борисоглебской стороны Ростова, на территории которой располагался Петровский монастырь. У нас нет оснований считать, что современники восприняли этот факт как главный поворотный пункт централизаторской политики Москвы в отношении Ростовского княжества. Такая трактовка исторической тенденции имеет, на наш взгляд, отчетливый привкус проекции современных знаний о последующих этапах возвышения великих

<sup>67</sup> Горский А. Д. Новгородские акты как источник по истории борьбы за землю // Общество и государство феодальной России. Сб. статей, посвященный 70-летию академика Л. В. Черепнина. М., 1975. С. 279.

<sup>68</sup> Дмитриев Л. А. Сюжетное повествование в житийных памятниках конца XIII—XV вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1980. С. 262.

<sup>69</sup> «Наиболее ярким памятником пресмыкательства русского духовенства перед татарами является Повесть о Петре, царевиче ордынском» (Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль. С. 354).

<sup>70</sup> Там же. С. 349.

<sup>71</sup> Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. Приложения. С. 127—142.

князей московских. Факты говорят о том, что московский дом публично закрепил свои успехи в объединении русских земель позже 1474 г. Так, поземельное описание уездов с фискальной целью Москва произвела в 1494—1504 гг., коронация наследника престола, внука Ивана III, Дмитрия Ивановича произошла в 1498 г., в 1497 г. на великокняжеской печати появляется двуглавый орел — византийский и имперский государственный герб, наконец, в том же 1497 г. закончена работа над Судебником — первым кодексом феодального права Русского централизованного государства. Смысл этих почти одновременных мероприятий был как раз в придании московским князьям особого статуса в противодействие еще имевшимся сепаратистским тенденциям в самом великокняжеском доме. Если сепаратизм внутри великокняжеского рода был силен даже в начале XVI в., то в 80-е гг. XV в. он был еще более выражен. Таким образом, наличие владений матери Ивана III Марии Ярославны в Ростовской земле далеко не равнозначно, особенно в сознании современников, полной зависимости Ростова от великого князя. Ясно, что Ростовская земля была присоединена к Московскому государству со всеми возможными негативными последствиями для монастыря, но это произошло не в 1474 или ином году, а происходило постепенно — в течение более чем полутора столетий.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении материал позволяет, избегая неправомерной привязки к конкретной дате, к определенному историческому событию или факту, говорить о конце XV столетия как о наиболее достоверном времени создания «Повести о Петре, царевиче ордынском».